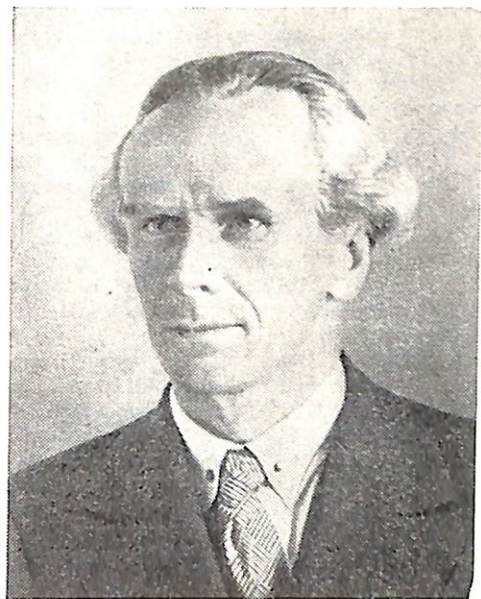

Николай Александрович Невский

НИКОЛАЙ Александрович Невский — один из выдающихся советских востоковедов, обогативших мировую науку исследованиями в области языков, поэзии, фольклора, а также культуры ряда зарубежных народов Востока.

Но основные научные заслуги Н. А. Невского связаны с исследованием памятников культуры тангутов — малоизученной народности Центральной Азии, которая создала в средние века крупное государство, разрушенное затем полчищами Чингисхана.

Изучение истории и языка тангутов было начато европейскими учеными еще в конце прошлого столетия. Однако достижения в области тангутоведения еще и в первой четверти нашего века были совершенно незначительными.

Решительный перелом в развитии тангутоведения произошел после 1908 года благодаря исследованиям известного русского географа П. К. Козлова в Центральной Азии. На южной окраине пустыни Гоби, при раскопках одного из могильников — субурганов, в замурованной гробнице он натолкнулся на большое собрание ксилографов (оттисков книг, сделанных с текста, первоначально вырезанного на деревянных досках) и рукописей, написанных загадочными иероглифами.

Проводя дальнейшие раскопки в этом районе, П. К. Козлов открыл развалины тангутского города-крепости Хара-Хото (Черный город). Монгольские пастухи, нередко со своими стадами заходявшие на эту полупустынную-полустепную окраину Гоби, прозвали развалины Хара-Хото «Мертвым городом».

Найденную в «Мертвом городе» ценнейшую библиотеку П. К. Козлов вывез в Петербург и передал в Азиатский музей. Отсюда эти книжные и руко-

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«МЕРТВОГО

ГОРОДА»

Г. СЕРДЮЧЕНКО

писные богатства перешли сперва в Институт востоковедения, созданный в 1931 году, а затем — в Институт народов Азии АН СССР, возникший на базе Института востоковедения в 1960 году.

Таким образом, русский географ П. К. Козлов открыл и предоставил в распоряжение ученых, казалось бы, уже навсегда потерянные памятники истории, языка и письменности тангутов. Николай Александрович Невский, длительное время изучая эти памятники и сопоставляя иероглифы тангутов с китайской и тибетской системами письма, сумел расшифровать письменность древнего народа, установить основные особенности давно исчезнувшего языка тангутов и ввести в употребление редчайшие по своему научному значению памятники тангутской письменности, свидетельствующие об истории, культуре, быте и мировоззрении не только тангутов, но и других, окружавших их в IX—XIII веках народов.

В одном из тангудо-китайских словарей XII века Н. А. Невский нашел записи тангутских и соответствующих им китайских слов, сделанные четырьмя способами. На первом месте давалось тангутское слово, но в китайской записи; на втором — то же слово передавалось тангутскими иероглифами; на третьем значение слова давалось китайским идеограммом; на последнем произношение слова китайского перевода раскрывалось при помощи тангутского письма. Таким путем устанавливалось, как звучит тангутское слово, каково его значение и как оно пишется по-тангутски. Словарь одновременно был как бы и тангудо-китайским и китайско-тангутским. Составлявший его Гу-лэ Мао-цай в предисловии к словарю писал, что он «имел своей целью облегчить тангутам понимание китайского языка, а китайцам — тангутского, чтобы способствовать теснейшему сближению двух народов». Высокая зада-

ча! Сам словарь по-китайски назывался «Чжан-чжун-чжу», что значит «Перл в руке».

Упорная многолетняя работа Н. А. Невского над расшифровкой знаков тангутского письма дала ему возможность уже к 1929 году составить словарь 500 тангутских иероглифов с указанием их звучания и значений. Это было большим научным открытием, но все же лишь началом исследования.

В дальнейшем Н. А. Невский установил, что большинство тангутских памятников письменности представляет собой переводы на тангутский язык различных произведений буддийской литературы. Поскольку буддийская литература включала в то время значительное количество различных произведений по вопросам философии, астрономии и астрологии, законодательства, а также художественную прозу и поэзию, большое количество переводов буддийской литературы на тангутский язык свидетельствовало о значительных культурных интересах тангутского народа. Тангуты приобретали буддийские произведения в Китае, обменивая их на коней, в которых была заинтересована китайская армия того времени.

Но еще более важным в проведенных исследованиях было то, что Н. А. Невский обнаружил в переводах на тангутский язык значительную часть произведений, не относящихся к буддийской литературе. Среди них — трактаты по военному искусству, китайские исторические энциклопедии, «Суждения и беседы» Конфуция и его учеников и т. д. Н. А. Невский открыл также целый ряд оригинальных произведений, созданных непосредственно тангутскими учеными. В их числе различного рода эн-

циклопедии, двадцатитомный свод законов тангутского государства, различные философские труды, научные трактаты.

Особое внимание Н. А. Невский уделял изучению тангутских словарей. В результате их тщательного анализа он раскрыл систему расположения слов в словарях, показал классификацию звуков, принятую у тангутов, выявил основной и наиболее распространенный в народе запас слов, сопоставил тангутскую лексику с китайской, тибетской и с лексикой нескольких южнокитайских народностей. Итогом этой огромной работы является составленный Н. А. Невским «Тангутский словарь», а также такие исследования, как «О наименовании Тангутского государства», «Культ небесных светил в Тангутском государстве XII века», «О тангутских словарях», «Очерк истории тангутоведения» и другие, опубликованные сейчас в его двухтомном труде «Тангутская филология».

К глубокому сожалению, труд всей жизни Н. А. Невского не был завершен. В 1937 году, в период культа личности Сталина, выдающийся советский востоковед был оклеветан и оторван навсегда от проводившейся им столь успешно научной работы. В 1938 году Н. А. Невского не стало.

Партия восстановила честное имя ученого. Его творческое наследие возвращено науке. В 1962 году «Тангутская филология» Невского удостоена Ленинской премии. Замечательный научный подвиг советского востоковеда, по заслугам оцененный отечественными и зарубежными ориенталистами, вошел как одна из ярких страниц в историю востоковедной науки.

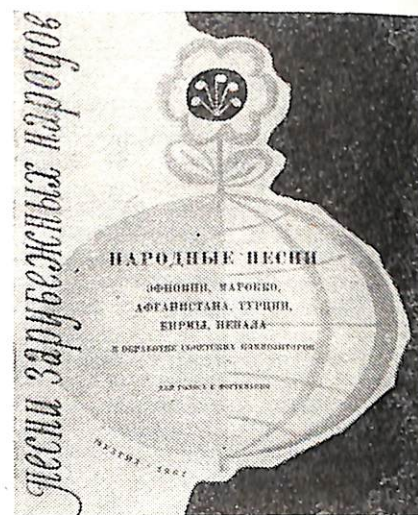
ПЕСНИ СВОБОДНЫХ НАРОДОВ

Совсем еще недавно мы имели довольно смутное представление о народных песнях многих районов африканского континента. Если судить по граммафон-

ным пластинкам английского или французского производства, в странах, находившихся под колониальным игом, вообще не существовало самостоятельного народно-песенного творчества; отдельные произведения фольклора представлялись в виде джазовых ритмов, шумовой экзотики.

Но стоило народам расправить свои могучие плечи и разорвать цепи колониализма, во весь голос зазвучали гордые и мужественные песни. Во многих афро-азиатских странах побывали мастера советского искусства, они услышали прекрасные песни и привезли их на родину. Эти песни переведены на русский язык и обработаны советскими композиторами. Они рассказали слушателям о мыслях и чувствах народов, о желании жить в мире и дружбе. Крылатые песни Африки прочно вошли в репертуар советских артистов и участников художественной самодеятельности.

Недавно московское издательство «Музгиз» опубликовало оче-

редной сборник из серии «Песни зарубежных народов», куда вошли песни Эфиопии, Марокко, Афганистана, Турции, Бирмы и Непала. Выпущен также сборник «Песни Африки». В него включены песни Гвинеи, Камеруна, Конго (Леопольдвиль) и Уганды. Сборники с интересом встречены советской общественностью.

М. ГОЛЬДШТЕЙН

